

КАФЕДРА

Независимая газета. - 1998. - 9 апр. - с. 11

Маруся Климова

ЖИВОПИСЬ

СЕРЖ ГЕНЗБУР (настоящее имя — Люсьен Жэнзбюр) родился 2 апреля 1928 года в Париже, куда его родители приехали еще из дореволюционной России, спасаясь от погромов. С тринадцати лет он начал учиться живописи — на этом настаивал его отец, с детства мечтавший о карьере художника. Тогда, в 1942 году, Париж был оккупирован немецкими войсками и мальчик должен был носить нашивку на одежде желтую звезду. «Я вырос под хорошей звездой. Под желтой», — позже скажет он.

В мастерской, где занимался Люсьен, приходил офицер СС, ставил свой мольберт рядом с его мольбертом и рисовал. Здесь не было политики, не было войны, это была «нейтральная территория». Гензбур запомнил это навсегда, и это стало одним из самых сильных впечатлений его детства.

Позже он поступил в Академию художеств, где изучал живопись и архитектуру, он искал свой стиль в течение пятнадцати лет, но все же бросил кисть — «из-за трусости», как сам часто говорил, или же из-за того, что так и не сумел найти этот стиль. Восхищение у него вызывал Фрэнсис Бэкон, о котором он всегда говорил с тайной завистью, — ему свой стиль найти удалось... Параллельно ему приходилось работать пианистом в баре, куда устроил его отец. Работал он в основном по ночам, и отчасти из-за этого не состоялась его карьера живописца — для занятий живописью был нужен дневной свет, хорошее освещение. Всю последующую жизнь он ненавидел и одновременно любил ночь, так как именно она заставляла его отказаться от дневного призвания и помогала найти второе — настоящее.

СТИХИ И МУЗЫКА

Поэт Серж Гензбур родился в 1958 году, именно тогда в нем умер художник Люсьен Жэнзбюр («Я решил сменить имя. Люсьен начал меня раздражать. Мне всюду виделись надписи: «Люсьен, мужской парикмахер», «Люсьен, дамский парикмахер». Я хотел, чтобы меня звали Жюльен — как Жюльена Сореля, героя Стендаля. Но в конце концов я выбрал имя «Серж» — оно показалось мне подходящим и к тому же звучало по-русски. Я почувствовал настолько по России, которой никогда не знал»).

Гензбур начал писать тексты случайно — в полном смысле этого слова. Отец обучил его класси-

2 апреля знаменитому французскому поэту, певцу и композитору Сержу Гензбур исполнилось бы 70 лет. Его называют «французским Высоцким», и у них действительно было много общего: страсть к женщинам, алкоголю, табаку и вообще отсутствию умеренности в жизни, что и свело их обоих раньше времени в могилу. Как и Высоцкий, Гензбур был бардом, актером и поэтом, породившим целую вереницу подражателей. Однако, как и любое сравнение, это сравнение двух поэтов выглядит поверхностным и приблизительным. Высоцкий в сравнении с Гензбуром кажется настоящим аскетом. Гензбур даже во французской традиции выде-

ческой музыке и джазу, идеалами для него были Гершвин и Кол Портер, поэтому для Гензбура не существовало современной песни как жанра. Он вообще презирал все песни, потому что по сравнению с классикой они казались ему гротеском, кроме, может быть, некоторых любовных шлягеров. До того дня, пока он не открыл для себя Бориса Вианы и к нему не пришло, в возрасте 30 лет, его истинное призвание. «Я увидел Бориса Вианы. Я просто обалдел. Он выкрикивал, весь бледный, удивительные тексты под ультрасовременную музыку. И тут я сказал себе: «Может быть, песня — это не такая и вещь. Может быть, можно попробовать что-то делать в этом направлении»».

Именно Вьян был первым, кто написал о Гензбуре восторженную статью в «Канар Аншэн», а Марсель Эме (который был в то время уже известным писателем) опубликовал на конверте пластинки текст, представляющий публике «пианиста 25 лет (на самом деле Гензбур уже исполнилось 30), который стал композитором, поэтом и певцом. Он воспекает алкоголь, девушек, адюльтер, мичи-еся вдале машины, бедность, изу-

ушло, увяло. Этим ощущением наполнены удивительные тексты диска «Плохие новости со звезд». Гензбур хотел написать роман под таким же названием, «вымысленный дневник», о котором он тогда охотно говорил, и написать который ему так и не удалось.

Предаваясь этой чувственной ностальгии, он начинает писать основные тексты своего последнего «периода». В 1983 году он написал для своей любимой исполнительницы — Джейн Биркин — «Baby alone in Babylon» («Одинокий ребенок в Вавилоне»). Вся эта эпоха была отмечена музыкальной знаком гармонии, которую он старался найти в своих песнях, и разговорной техникой «talk over». Таким образом, Гензбур сначала избавляется от припева, а затем переходит от песни к чистым текстам последних лет, которые уже можно называть просто «лирическими стихами». Звуковой ряд разрезает что-то вроде современной полифонии; инструменты постоянно переключаются и сплетаются тонкую сеть, основной голос в сопровождении хора становится частью общей инструментальной, при которой слова и их произношение выявляют самый глубокий скры-

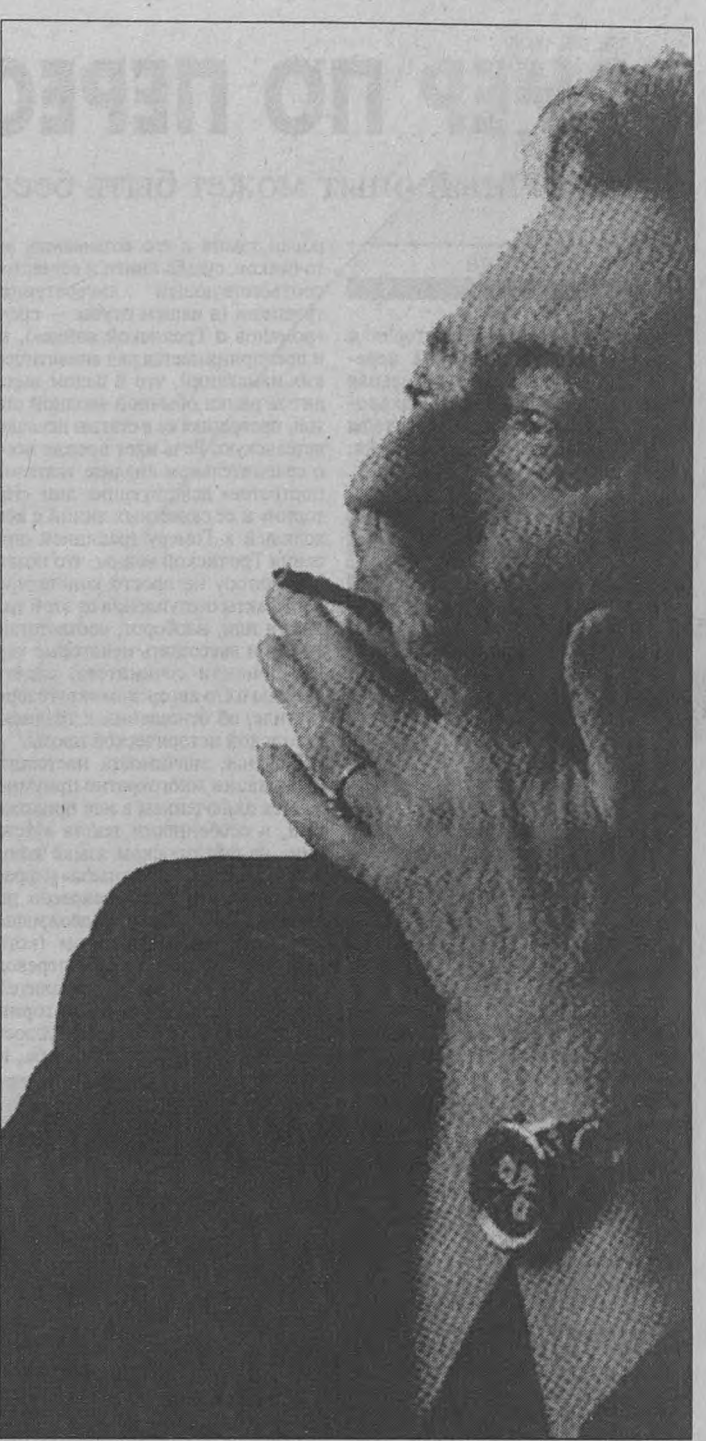
тые вопросы он всегда отвечал: «Я уже не в том возрасте, когда читают, в моем возрасте перечитывают». И в тридцать, и в пятьдесят лет он неизменно называл одних и тех же авторов, которых прочитал примерно между тридцатью и пятьюдесятью. В детстве: Перро, Гримм, Андерсен, потом Киплинг и Фенимор Купер. Потом Жюль-Карл Гюисманс, Флорбер и Бенжамэн Констан. У Гюисманса он оценил «эстетический, почти нечеловеческий холод». Позже он снова нашел это у Набокова в «Лолите». Когда учился живописи, пришел Рэмбо, Бодлер и Эдгар Аллан По. Также очень большое влияние оказали на Гензбура сюрреалисты и дадаисты: Пьер, Бретон, Тьяра и Пикабия, книгу которого «Иисус Христос Авантюрист» он без конца перечитывал.

К 1968 году Гензбур полностью отдался формальному эстетизму: игра звуками и ассоциациями, англицизмы стали доминирующими в его текстах. Кстати, именно он ввел в обиход так называемый «франглз» — франко-английский диалект, который так ненавидят добропорядочные французы и на котором изъясня-

ются своей склонностью к эротизму и тягой к темной, если не сказать грязной, стороне жизни. На вопрос, кем бы он хотел быть, Гензбур всегда отвечал: «Маркизом де Садом», ибо видел в эротике способ защиты «суверенной» личности от буржуазной утилитарности и тяжелой ласковой «серьезности» политического террора».

Серж Гензбур в разные периоды своей жизни увлекался живописью, музыкой, поэзией, литературой, искал себя в самых различных сферах искусства. В одном из своих поздних интервью он назвал произведением искусства всю свою жизнь. Как бы там ни было, но именно после этого скандала популярность самого Гензбура резко пошла вверх: до этого публика гораздо больше знала его жену Джейн Биркин, а он оставался «за кадром».

В 1980-м Гензбур публикует у Галлимара свой роман «Евгений Соколов» (многие русские эмигранты первой волны увидели в этом названии оскорбительный намек на роман Пушкина и тоже были возмущены). Это произведение он задумал еще в 1974 году как некую «иносказательную повесть». Главный персонаж — гениальный художник, но ему приходится платить за свой дар постоянным унижением. Поскольку у него в кишенке всегда скапливаются газы, требующие выхода, он вынужден отравлять атмосферу вокруг себя отвратительными запахами и неприятными звуками. Но это плата за его гениальность, потому что она существует лишь благодаря этому изыанию. Описано все это медицинским стилем, почти научным, где, наподобие музыкальной темы, иногда проскальзывают романтическая интонация, на-

«МЕНЯ РАЗДИРАЕТ МЕЖДУ ДОБРОМ И ЗЛОМ»

Шансонье Сержу Гензбур исполнилось бы в апреле 70 лет

рительную работу. Его песни отмечены опытом молодости, не избалованной жизнью, имеют прелесть меланхолических, горячих, и их хочется слушать еще и еще». А Борис Вьян так представлял его в 1959 году во время первого выступления в престижном кабаре «Три ослы»: «Возмите тридцатилетнего парня, который любит живопись, музыку, песню. Заприте его в комнату дайте ему кисточку и ручку. Дайте ему попробовать, поискать, поработать. Пусть он продаст свою дырку, свою маленькую дырочку, которая станет огромной в мире песни. Серж Гензбур». Эти слова стали пророческими, хотя тогда грядущего успеха ничто не предвещало — первый диск Гензбура продавался плохо. Гензбур познакомился с Вьяном за несколько месяцев до его смерти. «Он пригласил меня к себе, он жил недалеко от Превера. И он сделал то, что я запомнил навсегда: он открыл томик стихов Кола Портера и сказал мне: «Ваши стихи похожи на стихи Кола Портера. Мы собирались работать вместе, но он вскоре сыграл в ящик»».

В 1958 году Гензбур получает приз академии за свой первый диск «Штамповщик из Лилля». Он

хотел усовершенствовать свое мастерство. Например, в тексте «Белая Лол» объединяется возмущенная автором. Гензбур при помощи словесных ассоциаций пытается найти новую перспективу, и это ему удается. Потом развитие продолжается, и каждый раз музыкальная эволюция Гензбура происходит в направлении синтеза лаконичной слезно-жанровой тональности словесных ассоциаций и огромной внутренней энергии, заключенной в каждой фразе. Это прекрасное илюстрирует песня «Elaeudanta Teiteia», которой упоминание «Ремингтона» (марки пишущей машинки, столь популярной в американском «черном романе», прославленной на левом берегу Сены Анри Годаром и Луи Маллем) придает дополнительный план и огромную внутреннюю свободу. Клавиатура этой пишущей машинки как бы формально обозначает литературные просторы, создает особую атмосферу, частную перспективу, отвлеченный «гензбургский» взгляд. И этот «внешний» взгляд, обращенный на самого себя и на остальных, выявляет утрату подлинного смысла и завороченность чистой формой.

На моем портативном Ремингтоне
Я пишу твою имя, Летиция,
Elaeudanta Teiteia
Летиция, дни идут за днями,
Увы, они не похожи друг на друга
Elaeudanta Teiteia
А я думаю лишь о своей боли,
И печатаю эти семь букв
Elaeudanta Teiteia
Это болезненный цветок,
Я касаюсь его кончиками пальцев,
Elaeudanta Teiteia
Если нужно сойти с пути,
Я согласен на это ради тебя,
Elaeudanta Teiteia
И мой конечный довод
Теряется в этих семи буквах
Elaeudanta Teiteia
На моем портативном Ремингтоне
Я пишу твою имя, Летиция,
Elaeudanta Teiteia
(Альбом «Гензбур. Конфиденциально». 1963)

Удивительно: еще за три года до того, как была написана его первая известная песня «Штамповщик из Лилля», Серж Гензбур под псевдонимом Жюльен Грис, совершенно тогда неизвестный, написал: «Слова изношены до дыр/ Сквозь них просвечивает скука». И как только ему представилась такая возможность, Гензбур начал возводить людей «вверх от клише и общих мест».

Гензбур много работал над техникой отвлеченности и поиском звучности: в 1966 году он исполняет для этого английский язык. Тогда были написаны «Доктор Джеки и Мистер Хайл». «Qui est in qui est out», «Шу ба ду ба ду ба...». У музыканта Гензбура утонченность письма тесно связана с новой оркестровкой. Гензбур тогда расстался с Алэном Горатом (пианистом Бориса Вианы) и отправился в Лондон, где записал диск на английском языке.

Тем временем текст Гензбура в песнях постоянно изменяется. К игре звуками и навязчивому стремлению к гармонии прибавилось новое чувство: ностальгия. Длительная, обволакивающая боль сопровождает воспоминание о пережитой истории, о прошедшем времени; и главное значение послания Гензбура заключается в том, что все закончилось,

тот смысл. Гензбур — музыкант (композитор и исполнитель). Гензбур-автор, то есть писатель, прекрасно дополняют друг друга. Опыт Сержа Гензбура показателен в том плане, что, заимствуя у музыки, кино, поэзии, театра, он выявляет скрытую связь самых разных настроений и слов; он создал свою эстетику, в которой как бы встретились сразу несколько поколений.

Сотрудничество с кино занимало достаточно значительное место в жизни Гензбура, хотя и нельзя сказать, что его актерская деятельность оставила в истории французского кино незабываемый след. Его эпизодические роли в так называемых народных фильмах 1961–1962 годов не были особенно удачными (а играл он исключительно отрицательных персонажей), за редкими исключениями: «Лозунг» Пьера Грима (на съемках которого в 1968 году Гензбур познакомился с Джейн Биркин), одна или две сцены в фильме Робера Бенаяна «Парижа больше нет» (1969), а также роль в ленте Клода Берри «Я вас люблю» с Катрин Денев (1980). Не так уж много. Но Гензбур никогда не скрывал, что это давало ему возможность заработать на жизнь. Так было до 1976 года, пока он сам не встал за камеру и не снял свой первый фильм «Я тебя люблю, а я нет». Эта лента, где смешаны традиции американского «черного кино» с тенденциями андеграунда, была в духе Энди Уорхолла, во многом держится на его знаменитых психиатрических сеансах с Джейн Биркин. Следующей лентой Гензбура стал «Экватор» — экранизация романа Жоржа Сименона. Последний его фильм «Шарлотта навсегда» (1986) получил в критике определение фильма, «полного мрачно-го нарциссизма и тенденций к кровосмешению». В нем снялся Серж Гензбур и Биркин Шарлотта, которой в ту пору было 15 лет. Главный герой ленты Стэн — алкоголик-сценарист, которого связывают с дочерью сложные отношения любви и ненависти. Прекрасная операторская работа Уилли Куранта несколько смягчает тяжеловесность кинематографических приемов, вероятно, унаследованную Гензбуром из рекламных роликов, которых за свою жизнь он снял огромное количество...

ЛИТЕРАТУРА

Если говорить о литературных вкусах самого Гензбура, то на все

поминающая галлюцинации в духе барокко, что как бы становится фоном романа, его украшением.

В это время Гензбур создает свои знаменитые песни «Инициалы Б.Б.», «Форс Мустаг», «Анамур», «Элиза», в которых вновь ощущается ностальгия Гензбура по Бодлеру, Рэмбо, сюрреализму, а также по сонетам Эредиа и страницам Набокова. Это продолжается до 1971 года, когда появился его новый «дискороман» «История мелодии Нельсона», а потом, в 1976 — еще один — «Человек с капюшной головой». В 1979 году он пишет песню «Лолан-антюрнистка», в основу которой положен сонет Эредиа «Завоеватель».

Тогда же, в 1979 году, происходит скандал: Гензбур записывает диск под названием «К оружию и т.д.», где исполняет «Марсельзу» в очень популярном в то время стиле рэгги. Угрозы и протесты обрушиваются на его голову. В журнале «Фигаро», например, был опубликован протест некоего господина Друа, исполненный негодования по поводу того, что еврей Гензбур осмелился петь национальный гимн Франции в ритме рэгги. Тогда же в Страсбурге в связи с сообщением о поджоге в зале бомбе был чуть не отменен его концерт. Тем не менее Гензбур выходит на сцену и в присутствии сотни патриотов, угрожающих вмешаться «физически и морально», если он будет петь свою «Марсельзу», заявляет: «Я не собираюсь подниматься! Именно я вернул «Марсельзу» ее первоначальный смысл! И я предлагаю вам

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гензбур никогда не скрывал своей повышенной сексуальности, о ней ходили легенды: помимо романов с Джейн Биркин, Брижит Барло, Изабель Аджани, Катрин Денев, гомосексуальных связей и зоофилии, его обвиняли в связи с собственной дочерью. С Брижит Барло у них был короткий, но бурный роман, продлившийся несколько месяцев. Самые длительные отношения у них были с Джейн Биркин, с которой он прожил (по его собственному определению) двенадцать самых счастливых лет в своей жизни. «Джейн ушла, и это моя вина, я слишком злоупотреблял ее добротой, я часто возвращался совершенно пьяный ночью, когда рабочие уже отправляются на заводы, и я был ее. Когда она ругала меня, это мне не нравилось: через две секунды я отлучался ей удар... она долго терпела, но потом это превратилось в вечную пытку...».

Романы с Изабель Аджани и Катрин Денев также были непотными (характерно, что последнюю он называл за глаза подержанным товаром). Последняя его спутница, которую он называл «Бамбуком» (так ее прозвали все называть и по сей день), вероятно, из-за исключительной стройности и гибкости — подала ему сына и оставалась с ним до конца, несмотря на все испытания. О мимолетных связях и говорить не приходится — Гензбур сам даже приблизительно никогда не мог сказать, сколько же их всего было.

Гензбур называли эротоманом, безумным любовником, чувственным маньяком, грязным скотом и подлинным сексуальным эстетом. Некоторые его диски были отнесены к категории «Х» и продавались в специальной упаковке с надписью: «Только для лиц старше 18 лет».

«Я думаю, что меня раздирает между добром и злом. Мне кажется, что у меня чистая душа, но во мне есть и что-то нечистое. Нечистое — это навязчивые сексуальные идеи. Можно сказать, что я садист и фетишист. Но мой садизм абстрактен, он чисто духовного свойства. Что же касается фетишизма, для меня он заключается в попытке полностью отстраниться от животной сущности и придать физической любви духовный характер. Это чисто эстетическая проблема: я долгое время занимался живописью, и для меня важную роль играет зрение. Когда я был художником, я видел модели, обнаженных женщин. Обнаженная женщина для меня не представляла из себя ничего, совершенно ничего. Отбрасывая обнаженную женщину — это животное. А животное состояние внушает мне отвращение, я хочу отстраниться от него».

Однако это животное состояние преследовало и мучило Гензбура всю жизнь...

РЕПОРТАЖ С ТОГО СВЕТА

...и можно даже сказать, после смерти. Серж Гензбур умер в мар-

те 1991 года в Париже. А в 1981 году в газете «Либерасьон» было опубликовано его «посмертное интервью».

Ж. Ты можешь в деталях описать место, в котором находишься? Ж. Я внутри моей собаки. Здесь есть газы. Горючие газы. Тут я зажигаю спичку...

Ж. Ты больше ничем не рискуешь? Ж. Да нет: я просто хочу увидеть кишки моей собаки. Я доволен, потому что очень ее люблю. Как она при жизни была в моей голове, так я теперь решил отправить ее к ней в живот.

Ж. Это абсолютный цинизм. Ты все время остаешься в своей собаке или же ты можешь выйти наружу? Ж. Ты упал, раскинув руки крестом? Г. Как Христос? Нет, я только пытаюсь поймать мой стакан, но он выскользнул у меня из рук.

Ж. А ты бы хотел умереть по-другому? Г. О! Разве что от орального секса? Это китайская пытка, описанная Октавом Мирбо, и она заканчивается в том, что семь раз попрыгав делают мент. На седьмой раз уже сплевывают кровь. Такая смерть мне кажется вполне приемлемой.

Ж. А с тебя сняли посмертную маску, как с Паскаля? Г. Да, и с рук. И с члена тоже. Ж. Гипсом? Г. Нет! При помощи синтетического материала, напоминающего резину. Чтобы те, кто меня любил, продолжали делать это и после смерти.

Ж. А распятие, о котором ты говоришь в своей песне «Ессе Homo»? Г. Если бы Христос умер на электрическом стуле, все христиане носили бы на шее маленькие золотые стульчики. Если бы центурион пришел напоить меня уксусом? Я предпочитал розовое шампанское. Мне нужны платиновые гвозди и крест из абенового дерева. И корона от Картье.

Ж. А кого бы ты хотел видеть справа и слева от креста? Г. Слева в 89-м году? Скорее всего я увижу там двух накрашенных пелерастов. Экцентрично помадой до носа. Скорее всего это будут два гермафродита. Загнанных, расшатанных головой вниз, чтобы можно было видеть их задницы. А кресты моих пелерастов будут из розовых цветов».

Серж Гензбур в одном из своих интервью как-то сказал, что больше всего хотел бы, чтобы о нем забыли на следующий день после смерти.

Библиография Сержа Гензбура

«Eugenie Sokolov», conte parabolique, Serge Gainsbourg, editions NRF/Gallimard. — Paris, 1980.
«Au pays des malices», Serge Gainsbourg, edition etablie par Alain Coelho, editions Le Temps singulier. — Nantes, 1980.
«Mon propre role», Serge Gainsbourg, edition etablie par Alain Coelho, editions Denoel. — Paris, 1987.
«Dernieres Nouvelles des etoiles/L'Integrale», Serge Gainsbourg, edition etablie et annotee par Franck Lhorneau, editions Plon. — Paris, 1994.
«Movies», Serge Gainsbourg, editions etablie et annotee par Franck Lhorneau, editions Joseph K. — Nantes, 1994.

